

АМЕРИКАНСКАЯ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ БИОГРАФИИ ГОРЬКОГО

(О книге Филии Хольцман «Молодой Горький») ¹

Автор — преподаватель Бруклинского колледжа в Нью-Йорке. Рецензируемая книга издана в трех странах: в США, Англии и Индии. Содержание ее — основные проблемы творческой биографии А. М. Горького в ранний период его литературной и общественной деятельности. В книге рассматривается жизнь юного Горького в Нижнем Новгороде, в Самаре, на Кавказе. Заканчивается книга главами, посвященными литературным взаимоотношениям Горького с Короленко, Чеховым и Л. Толстым. Рецензируемая работа имеет характер компендия и предназначена для массового читателя.

Наше внимание привлекает прежде всего третья глава, названная автором «Фольклорист», — глава, дающая претворное, тенденциозное представление об отношении великого пролетарского писателя к народно-поэтическому творчеству. В неверном свете освещается здесь место А. М. Горького в русской науке о народном творчестве.

Сразу же бросается в глаза, что устное творчество рассматривается Ф. Хольцман в едином потоке, без учета классового своеобразия фольклора. Здесь — «фольклор вообще», в его «космическом» явлении. Хольцман вовсе не обнаруживает значительных усилий, чтобы увидеть и исследовать идейно-художественные богатства русского народно-поэтического творчества, а также основные особенности воззрений Горького на народное творчество.

Автор книги совсем не рассматривает замечательные, материалистические положения Горького о трудовой основе народного творчества, хотя, заметим кстати, Ф. Хольцман не ограничивается анализом творчества Горького лишь раннего периода: она претендует дать оценку творческой деятельности Горького и последующего периода. В книге ничего не сказано об оригинальности материалистических взглядов Горького на народное творчество, о великой плодотворной их роли для теории и практики народного искусства. Хольцман не замечает, что гениальным положениям фольклористической концепции Горького прямо враждебны домыслы современных реакционных фольклористов капиталистических стран Запада и особенно реакционные измышления фольклористов США. При этом скрадывается и извращается историческое своеобразие, действенность, новизна теоретических воззрений великого писателя, затухеваются его заслуги в развитии передовой науки о народном творчестве. Гигант Горький выглядит под резвым пером Ф. Хольцман обычным бытописателем, каких «немало», заурядным «любителем фольклора», хотя и проявлявшим-де повышенный интерес к народной поэзии прежде всего потому, что сам писатель является выходящим «из бродяг» (стр. 27, 60 и др.). Если верить Ф. Хольцман, Горький в своей художественной практике обращался к произведениям народного творчества нередко в поисках поэтического орнамента, в поисках инкрустаций. В этой связи не случайным выглядит рассуждение автора (на стр. 49) о том, как Горький «утилизвал» (utilized) народное творчество, — рассуждение, научная несостоятельность и вздорность которого не требуют комментариев.

Следует подчеркнуть, что вообще в своей книге Хольцман не выставляет ни единого нового, свежезвучающего теоретического положения; ей не принадлежит ни одна новая мысль. Во всей книге, от первой до последней страницы, докучно повторяются компиляции давно известных утверждений, характерных для пройденных этапов литературоведения и давно отброшенных советским горьковедением как антинаучные и реакционные. Эти домыслы Хольцман заимствует у таких «авторитетов» буржуазного литературоведения, как Д. Мережковский и Г. Струве, П. Милюков, Иванов-Разумник и т. п. Хольцман не брезгает черпать полными пригоршнями «положения» и «мнения» из грязных источников, из писаний отъявленных идейных врагов Горького. Хольцман, хотя и делает иногда попытки быть оригинальной, тем не менее она не выходит из круга порочной, ненаучной концепции.

Эстетические взгляды Горького, в частности его основополагающие воззрения на народное творчество, рассматриваются здесь в отрыве от общественной, революционной деятельности Горького. Ничего здесь не сказано о той огромной и исключительно плодотворной работе пролетарского писателя, которая протекала в одном русле с деятельностью большевистской партии, не сказано о дружбе и совместной работе А. М. Горького с В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

Горький показан здесь «вне партий», вне борьбы против империализма. Здесь ничего определенного не сказано о большевизме и о значении марксистско-ленинской идеологии для формирования мировоззрения великого художника рабочего класса.

Говоря о фольклористических интересах Горького, Хольцман подробно пишет о христианских и апокрифических легендах, о сектантских кантах и духовных стихах и т. п. Но автор книги даже не пытается рассмотреть становление взглядов писателя в связи с ростом революционного сознания рабочего класса, в связи с героической

¹ «The Young Maxim Gorky», 1868—1902, Columbia University Press, New York, 1948, X + 256 стр.

борьбой русского народа за свое освобождение от капиталистического гнета. Таким образом, книга не раскрывает главного в отношении писателя к фольклору.

Книга опошляет и обескровливает материалистические, прогрессивные воззрения молодого Горького на народное творчество.

Хольцман совсем беспомощна, когда покидает чужую указку и пытается стать на собственные ноги. Вот, например, какую «новую и оригинальную истину» преподносит Хольцман в заключение главы о Горьком-фольклористе. «Конечно,— пишет Хольцман,— надо отметить, что М. Горький не является единственным писателем, так близко и духовно приобщившимся к фольклору: Пушкин, Лермонтов, Некрасов и Лев Толстой еще до Горького смотрели на фольклор не только как на источник их искусства, но и как на наглядное изображение жизни и истории русского народа. Как говорится в русской поговорке: песня — правда о жизни... Лейтмотив русского традиционного фольклора является лейтмотивом в произведениях всех русских писателей, особенно М. Горького, ибо между колоссами русской литературы Горький является единственным, вышедшим из масс и стоящим так близко к массам» (стр. 60). Таков методологический вывод в главе о Горьком как фольклористе.

Если верить Хольцман, то воззрения Горького на народное творчество «совпадают» с воззрениями писателей XIX в.; в отношении к фольклору и Горького и Л. Толстого будто нет существенной разницы; оказывается, и Л. Толстой, и Лермонтов, и Горький одинаково-де использовали в своем творчестве «лейтмотив русского традиционного фольклора». А если у них и есть кое в чем несовпадение, то оно, видите ли, не принципиальное и объясняется только «биографией писателя», ничем более. Таков «вклад», который Хольцман вносит в изучение «фольклористических интересов» М. Горького!

Что же она имеет в виду, когда пишет о русском традиционном фольклоре?

Традиционный русский фольклор, поучает Хольцман, это, оказывается, «поэзия религиозных песнопений», «поэзия экклезиастических легенд» и церковных притчей, старообрядческих кантов и древних лирических песен, песен разбойничьих и тюремных... (стр. 57 и др.). После этого не приходится особенно удивляться, что в главе «Фольклорист» исключительно много внимания и места отведено притчам об Алексее, человеке божием, о Бедном Лазаре, о Мироне отшельнике и т. п. При этом утверждается, что подобные церковные «стихи» сыграли определенно положительную роль в духовном формировании писателя.

Из новых фольклорных жанров Хольцман предпочтительно выделяет «жанр босяцких частушек». Попутно она изрекает, что такие произведения, как «Канн и Артем», «Мальва», написаны Горьким на основе «босяцкого фольклора».

В книге ничего не сказано о замечательных революционных песнях свободолюбивого русского народа, о песнях борьбы и свободного труда, так горячо любимых Горьким и так часто вводимых им в художественные и публицистические произведения.

Хольцман уверяет читателя, будто Горький в равной мере интересовался фольклором всех стран мира и всех классов и что он с молодости имел повышенный интерес к «мировому фольклору». При этом под пером Хольцман Горький предстает пасынком своей Родины; он выглядит космополитическим «гражданином мира». И это «качество» в воззрениях Горького на народное творчество Хольцман называет «одной из интересных черт», присущих творчеству Горького! Главу о Горьком-фольклористе Хольцман построила на непроверенном, случайном, часто сомнительном материале, выводы грубо тенденциозны.

Впрочем, этот раздел не хуже остальных частей книги. В целом вся монография страдает предвзятостью умозаключений, тенденциозностью. В угоду буржуазно-космополитической концепции автор передергивает факты. Хольцман рисует Горького стоящим вне общественных партий, в стороне от борьбы русского народа за свободу и мир во всем мире, от борьбы за освобождение от капиталистического рабства. Фальшивая по своей основе книга содержит бьющие в глаза искажения истины и в деталях. Чего стоит, например, по-американски рекламное сообщение, что в архиве Горького в Москве «было собрано более чем шестьдесят два миллиона отдельных манускриптов» (стр. 228). Как известно, в архиве Горького насчитывается авторских рукописей несколько более 60 тысяч единиц. Но г-же Хольцман до этого, видимо, дела нет: даже о горьковских рукописях она желает говорить в астрономических числах. «Разрушение личности», написанное Горьким в 1908 г. и опубликованное в 1909 г., Хольцман выдает за произведение, созданное в 1915 г. (стр. 48). Неправильно указано в книге время первого посещения Горьким Тбилиси (см. стр. 3 книги Хольцман). В качестве образчика марксистской печати на стр. 203 упоминается газета «Самарский вестник», которая, как известно, не являлась органом революционного марксизма, и т. д. и т. п.

Научного значения такое исследование не имеет: ненаучный смысл концепции автора вполне очевиден и бесплоден.

Неверное толкование наследия Горького, извращение его идей, так же как опошление устной поэзии русского народа в целом, хочет того или не хочет автор книги, могут быть выгодны лишь врагам трудовых масс, клике американо-английских империалистов, стремящихся принизить все великое страны социализма.

Книгу Ф. Хольцман, искажающую значение Горьковского наследия, широко раз-

рекламировала капиталистическая печать. Так, издательство Колумбийского университета изрекает:

«Несмотря на изобилие материалов о Горьком, это есть первая настоящая биография, первая из всего того, что имеется на английском или на русском языках». Захваливая эту книгу, буржуазные издатели заверяют, будто Хольцман «использовала все имеющиеся документы (!), а также новые критические материалы о Горьком... Она также дает убедительные оценки произведениям Горького». Так рекламируют американские бизнесмены книгу Ф. Хольцман о Горьком.

В действительности же рецензируемая книга не может быть признана научной и объективной. Книга глубоко порочна в основе своей. Она есть по сути дела довольно типичное явление для упражнений современных буржуазных, чуждых марксизму исследователей наследия А. М. Горького.

И. Дмитриков

НАРОДЫ СССР

Сказки и легенды пушкинских мест. Записи на местах, наблюдения и исследование члена-корреспондента АН СССР В. И. Чернышева, изд. Академии Наук СССР, М.—Л., 1950, стр. 342.

В издаваемой Академией Наук СССР серии «Литературные памятники» вышла в свет книга с чрезвычайно заманчивым названием «Сказки и легенды пушкинских мест», которая безусловно должна привлечь к себе внимание как специалистов-литературоведов, так и широких читательских кругов, в первую же очередь фольклористов и пушкинovedов. Рецензируемая книга построена на материале, записанном В. И. Чернышевым в окрестностях села Михайловского (1927), в селе Болдино (1928) и близлежащих к нему селах и деревнях и в близком к Пушкинскому Бежаницком районе. В «пушкинских местах» В. И. Чернышевым было записано сто две сказки и легенды, среди которых он отмечает девятнадцать текстов, «имеющих близкое отношение к сказкам, которые написаны Пушкиным, или к его записям сказок и легенд». Материалы, записанные В. И. Чернышевым, представляют интерес не только в плане изучения фольклоризма Пушкина, но и в порядке изучения очередного «белого пятна» на фольклорной карте, так как мы до настоящего времени имеем лишь немногие записи, характеризующие фольклорную традицию Псковской области и Болдинского района. Поэтому законно рассмотрение изданного Академией Наук сборника как новой публикации фольклорного материала и вместе с тем материала, имеющего интерес для пушкиноведения.

В сборник вошли 84 сказки. В. И. Чернышевым были, очевидно, отобраны лучшие, наиболее интересные и ценные тексты из числа собранного им материала. Правда, принцип отбора не совсем ясен, так как в сборнике, наряду с прекрасными сказками, дано немало бледных, малохудожественных текстов.

Запись сказок и легенд проводилась В. И. Чернышевым очень тщательно. Сказки записаны орфографически, но с сохранением всех типичных особенностей местной речи. Записи по памяти оговорены. К сборнику приложены статьи, комментирующие публикуемый материал, словарь и указатели.

Сборник делится на три основных раздела, определяемых местом записи текстов. Наибольшее число их относится к Пушкинскому району — записано в окрестностях села Михайловского, сыгравшую такую видную роль в творческой биографии великого поэта. Внутри этих разделов материал распределен по сказочникам. Среди сказочников, творчество которых представлено в рецензируемом сборнике, есть несколько несомненно талантливых исполнителей и творцов русской народной сказки, заслуживающих внимания к себе со стороны исследователей. Очень интересны сказки, записанные от П. Г. Брюсова, которого собиратель совершенно справедливо характеризует как сказочника «определенной хорошей школы и стиля», а также сказки Ф. П. Волкова, который привлек внимание собирателя «свободной разработкой повествования, богатством и мастерством использования стилистических приемов и средств языка». Хорошими сказочниками являются С. К. Матюшов из Болдинского района, П. Ф. Федоров из Бежаницкого района и ряд других. Мы находим в сборнике несколько прекрасных сказочных текстов, опубликование которых несомненно обогащает золотой фонд русской традиционной сказки. В сборнике опубликовано много записей, сделанных от детей, что доказывает живучесть сказочной традиции в обследованных собирателем районах. В. И. Чернышев дает довольно подробные биографические сведения о сказочниках и характеризует их репертуар и манеру рассказывания.

И все же сборник вызывает чувство неудовлетворенности и досады. Собирателю не удалось показать тот живой творческий процесс, свидетелем которого он был. Он не показал во всей полноте особенностей бытования сказки в обследованных им районах, отношения к ней аудитории и самих сказочников, роли сказки в жизни и быту населения. Материал, приведенный в сборнике, записан в 1927—1928 гг., однако советского крестьянина этих лет не увидишь по сборнику В. И. Чернышева. Невольно вспоминаются слова Н. А. Добролюбова, сказанные почти 100 лет назад о сборнике сказок Афанасьева: «А народа-то и не узнаешь из сказок, изданных господином Афанасьевым». Упрек Н. А. Добролюбова может быть с еще большей остротой обра-